

Sergei Kuznetsov, Ithaca, New York

July 7, 1989

Е.Д.: Расскажи, Серёжа, как ты попал во вторую школу.

С.К.: До этого я учился я в 207 школе. Ничем она особенно была не примечательна, за исключением может быть того, что выйдя из неё на лыжах можно было через 5 минут оказаться в прекрасном парке, ничем, наверное, не хуже, чем подмосковная Опалиха, где можно было часами кататься.

Е.Д.: Что ты и делал, вместо того чтобы учиться в школе - удирали с уроков и катался в чудесном парке?

С.К.: Нет, такого, пожалуй, не было. Я очень увлекался всякой химией. Делал какие-то бомбы из магния, алюминия и марганцовки, которые с грохотом взрывались.

Е.Д.: Но и сколько раз тебе за это влетало?

С.К.: Было, было. Все было.

Е.Д.: Я знаю, что Владимир Федорович Овчинников как-то на вас страху нагнал.

С.К.: Да, такое тоже было, когда мы играли в футбол.

Е.Д.: Но подожди, это мы перескочили.

С.К.: Да, до этого еще очень далеко. Попадало мне, когда у меня были не выучены какие-нибудь уроки. Моя мама любит рассказывать, да я и сам помню, как какое-то обнаружившееся сочинение я писал до четырёх часов утра, а может до пяти.

Е.Д.: В каком возрасте?

С.К.: Мне было лет тринадцать. А во вторую школу я попал довольно таки случайно. Какими-то неизвестными мне путями родители услышали, что есть такая вечерняя математическая школа. Они сказали об этом, во-первых, мне, во-вторых, в школе, и образовалась компания школьников, из моих одноклассников в том числе, которая захотела туда ездить. Дорога с двумя, не то с тремя, пересадками отнимала примерно час десять. Всю эту компанию возили родители по очереди - то один, то другой, то третий. Сопровождали, чтобы мы не потерялись. Когда я поступил во вторую школу, то уже ездил сам. Один раз ехал на подножке.

Е.Д.: А кто же были твои товарищи?

С.К.: Вы их, наверное, не знаете. Да я и сам не знаю их судьбу, потому что никто из них конечно во второй школе так и не оказался в итоге. В ВМШ мы попали мы в группу, которую вел Марк Новодворский. Я, кстати, про него ничего не знаю.

Е.Д.: Он эмигрировал. Кроме того он бросил заниматься математикой и стал то ли адвокатом, то ли брокером, то есть маклером на бирже.

С.К.: Еще была Люда Арманович.

Е.Д.: Про неё я совсем ничего не знаю.

С.К.: И я ничего не знаю.

Е.Д.: Ну, и было это не очень здорово?

С.К.: Нет, мне так тогда не казалось. Заведомо я там увидал для себя много нового. До этого я никогда не видел задач, таких которые давались на конкурс, никогда не слышал подобных лекций, которые там читались. Задачи на конкурс я помню хорошо. Сначала их надо было сдавать в устном виде, а потом дальше в письменном. Вдруг, довольно неожиданно для себя я получил ...

Е.Д.: первую премию.

С.К.: Нет, сначала вторую премию. А потом, действительно, уже и первую, за следующий цикл.

Е.Д.: И это произвело на тебя впечатление?

С.К.: Конечно. Я был честолюбивый мальчишка, да наверное и остался таким.

Е.Д.: Может честолюбивым и остался, но мальчишкой - нет. Ты меня критиковал как-то в наших частных разговорах. Это по поводу твоего перескока через класс.

С.К.: Перескока? До перескока еще далеко. Мне так кажется, что в это время в вечерней школе был какой-то дух, который потом потерялся

Е.Д.: А то, что девчонок и мальчишек прогоняли - это было плохо?

С.К.: Мне так кажется, что в последующих во всех выпусках вечерней школы такого духа какого-то не было. Может это был мой поток. Был какой-то дух, который потом потерялся.

Е.Д.: А этот дух, который потерялся, был хороший, ты считаешь, или плохой?

С.К.: Хороший.

Е.Д.: Я говорю без ложной скромности, что моя персона в этом играла роль. Ну не только моя, а персоны всех тех, кто в этом участвовал.

С.К.: Ну это то бесспорно. Я не знаю, как это сформулировать, но что-то там такое было.

Е.Д.: А ведь вообще, во всех этих делах личное взаимодействие очень важно. Вот на меня на первом курсе Гельфанд большое влияние имел. Кроме чистой математики.

С.К.: Можно, конечно, задавать себе вопрос - я его себе иногда себе задаю, - что бы со мной было, если бы я не попал туда и не встретился с вами.

Е.Д.: Было бы что-нибудь ещё.

С.К.: Но было бы совсем другое. Я пришел туда где-то в районе декабря. И где-то ближе к весне вы, очевидно, стали думать о формировании девятого

класса, и вы предложили мне переходить через класс и поступать во вторую школу.

Е.Д.: Ну ты еще для полноты картины скажи, что ты некоторые успехи на олимпиаде имел. Что тоже имело значение.

С.К.: Имел, но предложение ваше было сделано до того. Независимо. По моим понятием, здесь действительно сыграли какую-то роль мои успехи на этих конкурсах.

Е.Д.: Я признаюсь, что поскольку я собирался затратить известную часть моей жизни на школьников, то мне хотелось, чтобы было побольше хороших школьников, чтобы мои усилия не пропадали.

С.К.: Это ясно. Это понимает, по-видимому, каждый, кто хочет работать со школьниками.

Е.Д.: Я пытался в Итаке что-то делать, но потом быстро бросил. Итака - маленькое место. Критической массы нет.

С.К.: Мне пришлось сдавать экзамены за восьмой класс. Надо сказать, что по тем временам это было событие и нужно было писать какое-то письмо в РОНО.

Е.Д.: А родители интересно, как? С одной стороны любым родителям лестно, когда такое происходит, но с другой стороны были у них опасения ?

С.К.: Может быть какие-то и были. Я даже не знаю. Они меня тогда не посвящали в детали. Многое я узнал существенно позже . В частности - директор школы была этим очень недовольна.

Е.Д.: Теряла хорошего ученика что ли?

С.К.: Не знаю. Прецедент. Или я путаю что-то. Но РОНО тем не менее дало разрешение, но потребовало, что бы я по всем предметам сдавал экзамены по полной программе. Более, чтобы по каждому предмету была утвержденная РОНО программа. Одна учительница успела принять у меня экзамен не дожидаясь этой программы. Директор требовала переэкзаменовку устроить. Но учительница не стала, сказавши, что она уже все проверила.

Е.Д.: Заставить трудно против воли.

С.К.: Единственная учительница, которая мне поставила отметку просто так, это была учительница литературы.

Е.Д.: Пятерку поставила?

С.К.: Да. Она сказала, что как бы я не старался, нельзя литературу сдать, не пройдя класс. Но она все понимает. (Может быть, она не произносила этих слов.) Но я на самом деле чувствовал прекрасно, что это рывок через свой возраст. Поэтому у меня очень мало школьных друзей.

Е.Д.: Я ведь тоже прошел через это. Но мой опыт был в высшей степени положительный, потому что перепрыгнув через один класс я поступил в МГУ за один год до начала войны.

Если бы я этого не сделал, моя судьба могла сложиться по другому.

С.К.: Я тоже оцениваю сегодня свой прыжок через класс бесспорно положительно. Как его еще можно оценивать?

Е.Д.: Но какую-то цену пришлось заплатить.

С.К.: У моих товарищей лучшие друзья - это друзья школьные, друзья детства. Вот у меня нет друзей детства. Может быть из-за того, что я переезжал с места на место. Мои друзья в основном - походные.

Е.Д.: Может, это тоже не так плохо. И это хорошо, что ты был честолюбивый мальчик. Я знал способных ребят, которым как раз не хватало этого честолюбия, и которые не сделали всего того, что могли бы сделать.

С.К.: Еще нужно трудолюбие, может быть даже важнее.

Е.Д.: Нужна комбинация способностей, честолюбия и трудолюбия.
Дальше ты поступил в этот девятый класс. Ты был там самым маленьким?

С.К.: Нет, самым маленьким был Бариль.

Е.Д.: Ну ты был на втором месте.

С.К.: В параллельном классе был Иглицкий, который пришел, как и я, из 207-ой школы.

Я все таки был третьим. Потом были Сабир Гусейн-Заде и Оля Дынкина. И, наверно, больше никого не было, кто родился в 1950 году.

Е.Д.: Тут важен не только год рождения, но и физическое развитие.

С.К.: Ну, по физическому развитию, да и по интеллектуальному я был тогда малышом, уступая, пожалуй, Барилю.

Е.Д.: Что ты помнишь из этого периода, что было хорошего, что плохого, какие трудности были?

С.К.: Плохое, на самом деле, не запоминается. Может быть тогда я мог жаловаться, что директор не дает нам гонять в футбол.

Е.Д.: Ну это смешно. Оля (у нас с ней всегда были доверительные отношения) рассказывала мне о проблемах, а я старался, по мере сил, их разрешать.

С.К.: Проблема у меня была с одноклассником по фамилии Вяткин, который меня дразнил. Потом он куда-то испарился.

Е.Д.: Как же он тебя дразнил?

С.К.: Да я уже не помню. Да, ведь, раздражить человека, а потом его все время задевать, нетрудно.

Е.Д.: Ну у школьников всякое бывает – не только дразнят, но и щипают, толкают, лупят... Так твои наиболее неприятные связаны с Вяткиным. По моим сведениям - Миша Таксар тоже тебя иногда задевал. Я даже с ним разъяснительную работу проводил.

С.К.: Это у меня, кстати, в памяти не отложилось. Вот историю с Вяткиным я помню хорошо. А мой товарищ по парте оказался Саша Орлов.

Е.Д.: Ну Саша Орлов довольно добродушный был.

С.К.: Да. Он пришел из той же школы, что и Леонид Михайлович Волов.
[Преподаватель математики.]

Е.Д.: А с кем ты дружил?

С.К.: Пожалуй, что с Олей. А с кем еще - трудно сказать. Понимаете, все таки я был действительно намного всех младше. В кого я был влюблен - это я могу сказать - я был влюблен в Таню Ильичеву.

Е.Д.: И она отвечала взаимностью?

С.К.: Конечно нет. Скорей всего она об этом даже не догадывалась.

Е.Д.: Относилась как к ребенку.

С.К.: Конечно.

Е.Д.: Некоторые жалуются, что у вас был явный недостаток девочек. Впрочем, ваш класс был более благополучен в этом отношении.

С.К.: Да. Сначала было шесть, а потом осталось четыре.

Е.Д.: Создавало ли это проблемы?

С.К.: Не мне об этом судить. Вы должны спрашивать тех, кто был старше. У меня тогда никаких проблем не было.

Е.Д.: Вот ты говоришь, что был влюблен.

С.К.: Это сугубо школьное. По взрослому я стал интересоваться этим значительно позже.

Е.Д.: Как ты считаешь, хорошо или плохо, когда такой перекося?

С.К.: Не знаю. Наверное хорошо это не бывает.

Е.Д.: В пушкинском лицее были только мальчики!